

Запад и “исламский терроризм”

Александр Вавилов,
доктор исторических наук, профессор

Мутация исламизма

В современных взрывоопасных условиях развитый мир должен был бы со всем пониманием и осторожностью подойти к насущным проблемам мира развивающегося, вместе с ним искать оптимальные пути их решения. На деле же этого нет. Эти проблемы игнорируются, но, кроме того, провоцируются новые.

Под влиянием такого отношения Запада происходит мутация исламизма. Учитывая мощную волну антизападных, антиколониальных настроений в период подъема национально-освободительных революций, исламское движение было направлено, главным образом, “вовне”, в сферу международных отношений, выступая за устранение в них несправедливостей, сложившихся в период колониальной и полуколониальной зависимости мусульманских стран.

В современном подъеме исламского движения во многом находят своеобразное преломление поиски государств “третьего” мира новых ориентиров и идеалов. Они ищут свой путь и место в качественно иной обстановке, сложившейся на международной арене после

поражения социализма и ухода в небытие одной из великих держав – СССР.

Многие десятилетия вся политическая структура мусульманских стран формировалась и развивалась в достаточно жесткой системе глобальных геополитических координат. Под ее воздействием складывался политический менталитет мусульманского истеблишмента, его взгляды на внутреннее, региональное и международное положение, перспективы его эволюции. Сегодня, когда исчез один из балансов прежнего мирового равновесия, и вся система международных отношений претерпевает глубокую эволюцию, в мусульманских странах вынуждены пересматривать привычное мировидение, отказываться от прежних стереотипов, определяться, искать свои модели развития.

Мусульманские страны на рубеже 70–80-х годов, утратили возможность извлекать политическую и немалую материальную выгоду из глобальной и региональной конфронтации великих держав. К этому добавились внутренняя нестабильность, стагнация экономики, падение уровня жизни, и как

* Окончание. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2007. № 12.

следствие – обострение социальных противоречий в большинстве из этих стран, приведшее к нарастанию радикальной составляющей в деятельности исламистов.

При этом многие традиционные лидеры из числа “братьев-мусульман” образуют умеренное, эволюционное крыло движения, уступая активную роль молодым радикалам, приверженцам силовых, в том числе и террористических методов. Поэтому с реальной точки зрения было бы правильным различать умеренных исламистов или сторонников реформистских методов борьбы за идеалы мусульманства и радикалов-экстремистов как более воинственно настроенных поборников вероучения.

На Западе этой дифференциации особого значения не придают, отказываясь вести серьезный и систематический диалог с представителями умеренного крыла этого движения.

Ряды боевиков-исlamистов существенно пополнились за счет добровольцев и наемников, прошедших школу афганской войны. Этот специфический контингент, отличающийся неплохой боевой и в частности диверсионной выучкой, преданностью исламскому делу, вливался в ряды движения по убеждению или под влиянием социально-экономических трудностей, с которыми участники афганской войны столкнулись после возвращения из Афганистана в свои страны.

По некоторым оценкам, численность только арабских “афганцев” достигала в 80-е годы около 20 тыс. чел.

Весьма типична в этом контексте судьба одного из соучастников террористического взрыва в саудовской столице – г. Эр-Рияде (1995 г.).

Отвоевав в Афганистане на стороне моджахедов, после вывода советских войск он вернулся на родину. Однако без

образования и специальности хорошо устроиться не смог. Отец помог сыну открыть мелочную лавочку. Но торговля у него, умевшего только стрелять и метать гранаты, не пошла.

Его молодая вдова рассказала корреспонденту “Интернейшнл геральд трибюн”, раскопавшему всю эту историю, что ее муж в результате жизненных неурядиц ударился в религию и большую часть времени проводил в мечети или в долгих беседах с такими же, как он исламистами.

Этот частный пример подтверждает суждение российского политолога А.В.Малашенко, отмечавшего, что “повсеместно контролируемые исламистами мечети выполняют функции политических центров, дискуссионных клубов, социальных очагов, притягивающих к себе людей, разочарованных своим положением, жаждущих почувствовать себя защищенными и одновременно обрести покой и уверенность в себе”¹.

Отметим, что “афганцы” с их виднейшим представителем У. бен Ладеном, которые по оценке египетского президента Х.Мубарака, представляют “главную террористическую опасность для стабильности правительства” и для западных интересов в арабском регионе в целом, были в свое время подготовлены в антисоветских целях и финансировались на деньги ЦРУ.

На эти цели было израсходовано, по разным оценкам, от 3,5 до 6 млрд. долл.

Из “борцов за свободу афганского народа и против советских безбожников” они превратились в лютых врагов Запада во главе с США.

Бумеранг исламизма, запущенный в свое время американцами в советскую сторону, наносит ныне ощутимый ущерб его создателям.

Иракская авантюра и в этом плане принесла свои горькие плоды. Ирак наряду с Афганистаном превратился в международную школу и поставщика

боевиков-террористов во все конфликтные регионы планеты.

След "иракцев" был обнаружен, к примеру, при расследовании взрывов, прогремевших в марте – апреле 2007 г. в Марокко и Алжире.

Этими терактами заявила о себе новая региональная организация "Аль-Каида в странах исламского Магриба". Ее деятельность развивалась по нарастающей.

Только в июне 2007 г. в результате терактов исламистов в Алжире погибло полсотни граждан, включая 28 военнослужащих².

Новые кровавые преступления были совершены ею в Алжире в сентябре 2007 г.

Политизация и радикализация ислама в наши дни, становится современнымискаженным проявлением все той же национально-патриотической идеи, бывшей мотором освободительного движения в 50-е – 60-е годы. В Ближневосточном регионе исламизм является "новой редакцией" панарабизма, идеи арабского единства, попытки воплощения которой в жизнь в рамках светского национализма и арабского социализма успехом не увенчались.

Если в период 50-х – 60-х годов главный вектор национально-патриотической идеи был направлен на поиски путей возрождения и прогресса, то теперь исламисты вольно или невольно предлагают в основном программы "ретро", призывая вернуться к раннесредневековым истокам ислама, его нормам и постулатам, независимо от их соответствия потребностям сегодняшнего дня, отгородиться от иностранного влияния, пойти на добровольную национально-религиозную самоизоляцию, обособиться от новых веяний в мире, объявляя такие идеи, как демократия, права человека и гражданина, свобода личности и совести и др., "дьявольским порождением Запада", от которого необходимо срочно очиститься правоверным.

Вспоминается известная парадигма С.П.Хантингтона, полагающая, что после окончания "холодной" войны обстановка в мире уже будет определяться не ушедшей в прошлое конфронтацией великих держав, а столкновением различных цивилизационных укладов.

Однако объяснение современного подъема исламистского движения исключительно столкновением цивилизационных различий при всей его кажущейся простоте и доказательности было бы неполным.

Причины этого явления лежат, по нашему мнению, значительно глубже. Они уходят корнями в социально-экономические напластования времен колониальной и полуколониальной зависимости. Поэтому фундаменталисты основной огонь критики и терактов за пределами своих стран направляют, прежде всего, против ведущих западных держав. Их считают главными виновниками трудного и беспросветного положения, в котором находится большинство мусульманских государств в настоящее время.

Умонастроения исламистов четко сформулировал бывший посол США в Ираке, а ныне их представитель в ООН З.Халильзад (кстати, этнический афганец).

По его мнению, приверженцы движения считают, что "дела в мусульманском обществе «пошли не так» потому, что оно сошло с верной дороги, а Запад, будучи жестоким и аморальным, столкнул мусульман с пути истинного".

Только вернувшись на праведный путь, можно вновь достигнуть величия, а для этого потребуется вышвырнуть Запад вон".

Отстаивание исламистами религиозной самобытности и чистоты от разлагающего влияния западной потребительской "масс-культуры", ее аморальности и чуждых Востоку этических вольностей можно было бы понять под углом зрения национальных чаяний и устремлений. Однако выдвижение ре-

лигиозного фактора в качестве панацеи от всех бед, проповедь национально-религиозной самоизоляции, а часто и нетерпимости, и тем более террористические методы достижения поставленных целей не соответствуют новому климату, складывающемуся сейчас в мире, логике и практике современной политической борьбы.

В эпоху глобализации хозяйственной жизни, бурного развития разнообразных средств массовой информации и коммуникаций закрыться от остального мира невозможно в принципе. Противиться этому процессу, отгораживаться от него мусульманским занавесом значило бы плыть против течения международной жизни. Наоборот, важно использовать этот процесс в интересах развития каждой нации, каждой страны, чтобы его влияние, а оно неизбежно, не приобрело нежелательные, искаженные формы, прежде всего в виде падения нравов.

Запретительные меры тут вряд ли помогут, а скорее дадут обратный результат.

Здесь нужен осторожный и сбалансированный подход, так как уже накопленный в наше время опыт, в том числе и российский, показывает, что безоглядное перенимание зарубежных образцов, часто далеко не лучшего качества, без учета местных условий, существующих традиций и других особенностей вредно для нации, ведет к ее моральной деградации и вырождению.

Поэтому задача, на наш взгляд, стоит не столько в поисках “своего особого пути”, сколько в нахождении своего достойного места, ниши в общемировой структуре, в гармоничном входении в современное сообщество наций, в оптимальном совмещении и соотношении этнических, религиозных, морально-этических и прочих особенностей и традиций, проверенных всей историей нации, с подлинными цен-

ностями, выработанными человечеством за всю его весьма драматичную историю.

На этом пути можно быстрее всего добиться достижения двуединой цели: сохранить свое национальное лицо без слепого “подправнивания” под не всегда приемлемые образцы и нормы так называемой мировой, а на деле – западной цивилизации и в то же время не оказаться в изоляции от остального мира.

Заметная переориентация исламистского движения “вовнутрь” с сохранением прежнего налета ксенофобии, приобретение им в некоторых случаях антигосударственных форм подрывает устои существующей власти, усиливает внутреннее брожение и нестабильность мусульманского общества.

Главную опасность для правящей верхушки представляют обвинения (и часто далеко не безосновательные) со стороны исламистов в отходе от постулатов Корана и шариата, в непотизме, коррупции и личном обогащении, в неспособности найти верный путь развития нации, решить насущные проблемы низов, избавить их от беспросветной нужды и вопиющей социальной несправедливости.

Вскормленный на американские деньги в Афганистане лидер “Аль-Каиды” У. бен Ладен начинал свою деятельность с атак на правящий режим в Эр-Рияде и за это был лишен саудовского подданства.

“Традиционные арабские режимы, – констатирует Р.Н.Хаасс, – не смогли противостоять привлекательности исламского радикализма. Выбирая между далекими и коррумпированными политическими лидерами и пламенными религиозниками многие предпочли последних”¹³.

Апелляция к массам под знаменем ислама, их активная и все расширяющаяся благотворительная деятельность в каждом городском квартале, в каждой деревне и кишлаке находят в широких слоях мусульманского населения

сочувственный отклик. Вольно или невольно они следуют завету Мао-дзедуна, который считал, что “партизан должен двигаться среди людей как рыба в воде”⁴.

Главная сила исламистов состоит, очевидно, в том, что на фоне нарастания внутренних и внешних трудностей и отсутствия альтернативы, предлагаемой официальными властями, они вселяют в людей надежду на лучшее будущее, на избавление от гнета бедности и бесправия в случае возврата к истокам веры. Неслучайно, партия ливанских шиитов (традиционно обездоленной части населения) носит название “Аль-Амаль” – “Надежда”. Эта надежда имеет особую привлекательность в современной обстановке, когда традиционный путь развития в качестве капиталистической периферии не дает выхода из сложного положения, в котором находится большинство мусульманских стран.

В этих условиях, как отмечает С.Рид, исламистские организации главную ставку в своей деятельности делают на молодых разочаровавшихся людей среднего класса, а также безработных, не видящих перспектив улучшения своего положения.

В условиях заметного повышения внутриполитической активности фундаменталистов и ощутимой радикализации исламистского движения в целом отношение к нему официальных властей ощутимо меняется. Если раньше само движение и его лозунги использовались (например, в свое время А.Садатом) как альтернатива левым силам, как выпускной клапан для ослабления социального давления, то теперь оно в своих крайних формах становится на пути даже умеренных, происламских и исламских режимов.

К концу 90-х годов угроза распространения терроризма и экстремизма под религиозной личиной выходит на пер-

вый план не только внутренних, но и региональных озабоченностей арабских и других исламских государств.

Саудовская Аравия была инициатором разработки и подписания в апреле 1998 г. межарабского соглашения по борьбе с терроризмом, которое уже вступило в силу. Саудовское руководство последовательно выступает за придание этому документу панисламского, а затем и международного характера.

В 2004 г. в саудовской столице состоялся Международный антитеррористический конгресс, в решения которого было записано предложение КСА о создании в Эр-Рияде под эгидой ООН Международного антитеррористического центра.

Однако мировое сообщество до настоящего времени не смогло выработать общепринятого правового определения понятия “международный терроризм” во многом из-за огульного включения в него американцами и их союзниками национально-освободительных и патриотических движений.

Примечательно, что в подписанном в Каире (1998 г.) межарабском антитеррористическом соглашении содержится указание на то, что “любая (выделено – Авт.) вооруженная борьба против иностранной оккупации, за независимость и территориальную целостность не должна рассматриваться как проявление терроризма” (1998 г.)⁵.

Исламисты, как свидетельствует парламентский опыт “Хизбуллы” в Ливане и “Братьев-мусульман” в Египте и Иордании, не отказываются от политических методов деятельности, участвуя для расширения своих позиций и влияния в различных объединениях и коалициях.

Поэтому было бы наивным упрощением изображать исламистов в виде бородатых фанатиков и головорезов, готовых взорвать мир ради торжества исламских постулатов.

“Вопреки западным стереотипам, пишет американский ближневосточный

Л.Т.Хадар, – многие исламские лидеры не являются фигурами из средневековья. Судя по примеру Исламского фронта спасения Алжира (весьма характерное название, присущее многим исламистским организациям – Авт.), они – образованные профессионалы, инженеры, врачи, адвокаты и люди науки, которые контролируют такие современные учреждения, как госпитали, школы и сферу бизнеса. Они не столько заинтересованы в возвращении своих государств в прошлое, сколько в трансформации их политических и экономических структур”.

Таким образом, исламизм с его экстремистскими крайностями как религиозно-политическое движение в настоящее время во все большей мере превращается в долговременный структурный фактор, во многом формирующий обстановку как в мусульманском мире, так и на мировой арене в целом.

Политика Запада в мусульманской зоне мира, игнорирующая, по большей части, глубинные корни фундаментализма, приводит к активизации его экстремистской составляющей.

Ответы на многие вопросы, связанные с эскалацией террористических акций, следует искать и в американской ближневосточной политике, и в отношении Запада к арабам и мусульманам в целом.

Как отмечает проф. Л.Фридман в опубликованной Лондонским международным институтом стратегических исследований книге “Трансформация стратегических вопросов” “США (и их израильские союзники) так и не нашли подходящего ответа на вопрос, почему вполне разумные мужчины и женщины готовы жертвовать своей жизнью, чтобы противостоять им? Атаки камикадзе, будь то в Ираке или Израиле, – это стратегия, а не идеология. Эти люди – орудие в борьбе слабых против сильных”⁶.

Это суждение западного ученого вполне дополняет и подкрепляет рито-

рический вопрос одного из основателей Хамаса И.Абу Шанаба: “Что нам еще остается под натиском танков, самолетов F-16, ракет, вертолетов “Апач” и оккупационной армии, кроме как отправлять наших детей на теракты в Израиль?”⁷.

Феномен нарастания исламистских настроений в арабских и других мусульманских странах и их все большую антизападную заостренность многие политологи склонны преимущественно трактовать с точки зрения ухудшения социально-экономического положения в этой зоне мира. Конечно, беспространная нужда и нищета являются мощным катализатором экстремистских настроений в мусульманском обществе, особенно в его молодежной среде.

Однако, как показывает исследование, проведенное газетой “Аш-Шарк аль-Аусат”, подавляющее большинство шаигов не могли пожаловаться на свое материальное положение, были выходцами из небедствующих семей и имели то или иное образование. Значит, корни нарастания экстремизма и его все большей переориентации “вовне” надо искать не только в социально-экономической, но и политической, духовной сфере.

Известный палестинский поэт М.Дервиш в интервью газете “Монд” утверждал, что арабский мир “живет с глубоким чувством несправедливости, ответственность за которую возлагается на Запад... Арабы и мусульмане, сталкиваясь с “всемирным деспотизмом американцев” и с местными деспотами, потеряли ориентиры. Они чувствуют себя вытолнкнутыми из истории. Отсутствует и приоритет права, так как в их зоне международное право не действует. Израиль его уже так давно узурпировал и ничего не происходит”.

В этих условиях, по мнению поэта, “если бы в арабо-мусульманском мире

прошли свободные выборы, исламисты повсюду бы одержали победу”⁸.

Арабская молодежь, особенно образованная, яснее отдает себе отчет в нетерпимости более чем полувековой экспансионистской политики Израиля, не желает сносить национальное унижение, которому подвергались еще их отцы и деды.

Показательно в этой связи мнение обозревателя весьма умеренного парижского журнала “Жен Африк” З.Лимама: “Палестинцы в той или иной мере вот уже почти 60 лет живут под оккупацией. Более трех миллионов из них (то есть большинство – Авт.) – беженцы, брошенные в лагеря. Их судьба никого или почти никого не интересует (включая арабов).

Резолюции ООН постоянно игнорируются или подвергаются глумлению...

Израильские проекты по созданию разорванного палестинского пространства нежизнеспособны. Это лишь надолго продлит войну в других формах. Палестинцы публично и в большинстве своем признали право Израиля на существование. А от Израиля все еще ждут торжественного заявления о праве палестинцев на самоопределение”⁹.

В западном обществе были бы восприняты как дикость слова Мариам Фархат, проводившей в свое время на смерть всех трех своих сыновей и ставшей после победы на выборах Хамас депутатом палестинского парламента: “Будь у меня сто сыновей, я была бы счастлива отправить их всех на смерть за нашу Палестину”¹⁰.

Для западных политиков и политологов, да и для широких слоев населения эту готовность к самопожертвованию ради блага своего народа трудно даже себе представить, поскольку они обитают и работают в постиндустриальном мире, во многом лишенном духовных идеалов и устремлений в условиях повседневной гонки за личным комфортом и обогащением. Отсюда частое непонимание истоков и причин экстремизма и терроризма, порожда-

емых во многом высокомерным и презрительным отношением Запада и, прежде всего США, к мусульманскому миру.

В этой связи можно вспомнить не совсем продуманные заявления бывшего итальянского премьера С.Берлускони о “пре-восходстве западной цивилизации над исламской” и Дж.Буша-младшего о “крестовом походе” против терроризма. Мусульмане Ближнего Востока, предки которых в далеком средневековье немало страдали от крестоносцев, отнесли слова американского президента на свой счет.

Отнюдь не случайно в этом контексте в риторике бен Ладена и его соратников появились призывы к мусульманам освежить историческую память и отразить всеми силами и средствами натиск новых крестоносцев на мир ислама.

О сохраняющемся предвзятом отношении Запада красноречиво свидетельствовал “карикатурный скандал”, вспыхнувший весной 2006 г. после публикации в одной из датских газет оскорбительных для мусульман сатирических рисунков, персонажем которых был пророк Мухаммед. Мусульманский мир, как и следовало ожидать, не остался равнодушным и ответил на эту провокацию волной массовых демонстраций и погромов западных представительств.

За ним уже в середине сентября 2006 г. последовал новый скандал, на этот раз вызванный неосторожным цитированием Папой Бенедиктом XVI высказывания византийского императора Мануила II Палеолога о том, что пророк Мухаммед своей идеей “священной войны” привнес в мир “злое и бесчеловечное”.

В России к вновь осложнившейся взрывоопасной ситуации отнеслись со всей серьезностью.

Президент В.В.Путин призвал лидеров всех мировых религий к ответственности и сдержанности. “Уверен, – заявил он, – что у лидеров основных конфессий будет достаточно сил и мудрости, чтобы избежать каких бы то ни было крайностей в отношениях между конфессиями”.

А Совет муфтиев России расценил высказывания Бенедикта XVI как "неудачную и неуместную для современной действительности иллюстрацию". Он призвал Папу Римского "принять верное решение и пристроить свои извинения", а власти и народы мусульманских стран – "сделать все, чтобы пожар конфронтации не разгорался".

Понтифику пришлось публично объясняться, чтобы сбить волну протестов и беспорядков, нараставшую в мусульманском мире. Однако сделал он это весьма неловко, чем вызвал еще большее недовольство мусульман.

"Реакция Папы, – неприятно отмечала в те дни лондонская "Гардиан", – на волну возмущения в мусульманском мире, вызванную его словами, была еще более оскорбительной, чем сами эти высказывания. Он извинился не за свои слова, а фактически за мусульман, которые, дескать, не смогли понять, что он имел в виду.

Высказывания Папы служат для мусульман от Танжера до Джакарты убедительным свидетельством того, что против них в открытую ведется война – причем сразу на трех фронтах: политическом, военном и религиозном. Понтифику не стоит удивляться, что его слова вызвали столь мощную реакцию в исламском мире: мусульман до глубины души возмущают попытки отбросить их назад, в эпоху колониализма и "цивилизаторской миссии" Запада¹².

Папскому престолу пришлось пойти еще дальше: 25 сентября 2006 г. Бенедикт XVI впервые в истории Римско-Католической Церкви принял в своей летней резиденции представителей мусульманских общин. Однако и этот беспрецедентный шаг не снял напряженности, возникшей в результате неосторожных аллюзий понтифика.

В ноябре 2006 г. впервые в истории в обстановке протестных демонстраций мусульманского населения облаченный под сутаной в бронежилет Папа посетил Турцию. Его совместная с местным верховным муфтием служба в главной мечети Стамбула должна была сгладить прежние обиды, открыть новую страницу в отношениях католиков и мусульман. Чтобы еще в большей степени понравиться принимаю-

щей стороне папа на 180 градусов изменил свою прежнюю негативную позицию и высказался за прием Турции в Евросоюз.

Отрицательная реакция в исламском мире на антимусульманские выверты Запада, как и в целом, уроки истории, никого и ничему не научила. В июле 2007 г. случился новый скандал, на этот раз вокруг посвящения Елизаветой II в рыцарское звание С.Рушди – автора провокационных "Сатанинских стихов", опубликованных еще в конце 80-х годов и преданных анафеме тогдашним руководителем Ирана аятоллой Хомейни.

Реакция в мусульманском мире не застала себя долго ждать. С протестами выступили Иран и Пакистан. Второй человек в "Аль-Каиде" А. аз-Завахири в Интернет-обращении пригрозил королеве и Т.Блэрю "точным ответом" на такой провокационный шаг. Ссылаясь на вызванные их политикой "катастрофы в Афганистане, Ираке и даже в центре Лондона он назидательно заявил, что "если вы не усвоили урока, мы, с помощью Аллаха, готовы повторить его, пока не убедимся, что вы его полностью уразумели"¹³.

Урок вновь, как показали последующие события, оказался не впрок. В конце августа 2007 г. в одной из шведских газет был напечатан новый сатирический рисунок, на этот раз изображавший пророка в виде собаки, считающейся у мусульман нечистым животным. Такой провокационный выпад, подбрасывал дополнительный выигрышный пропагандистский материал исламским радикалам.

Представители "Аль-Каиды в Ираке" назначили за голову художника-святотатца приз в 100 тыс. долл. и потребовали от правительства Швеции официальных извинений, пригрозив в противном случае терактами в присутственных местах и официальных учреждениях. Извинений потребовал и совет мусульман Швеции.

Лаконично корни терроризма и подходы к нему Запада определил президент Сирии Б.Асад в интервью немецкому журналу "Шпигель" после предотвращения сирийскими спецслужбами теракта против посольства США

в Дамаске: “Терроризм сегодня- это состояние духа, которое ... уходит корнями в отчаяние, связанное с политической ситуацией, которое рано или поздно принимает форму мести... Госпожа Райс поблагодарила нас...за нашу

реакцию на теракт. Но он случился именно из-за политики, проводимой Америкой в нашем регионе... Они (американцы) способствуют распространению чувства безысходности, угасанию диалога между культурами”¹⁴.

Просчеты Запада

Одним из главных недостатков Запада в практике антитеррористической борьбы являются старые подходы к такому принципиально новому явлению, как международный терроризм.

На рубеже веков в движении сопротивления западной экспансии появляется качественно новый интернациональный элемент – “Аль-Каида” (по-арабски, база) – глубоко законспирированная, разветвленная и, главное, децентрализованная организация, ставящая своей основной задачей бесконечную “войну с крестоносцами и евреями”. Эта война, по видению руководителей Базы, бескомпромиссна и будет вестись до победного конца.

На основе высказываний ее руководителей и пропагандистско-агитационных материалов можно в первом приближении выделить три круга противников “Аль-Каиды”:

- первый и самый близкий – местные коррумпированные и “продавшиеся шайтану” режимы,
- второй – Израиль и мировой сионизм,
- третий вселенское зло, олицетворяемое “главным дьяволом” – США.

С течением времени акценты в стратегии “Аль-Каиды” меняются: потерпев поражение в попытках свергнуть “продажные режимы” Саудовской Аравии, Египта, Иордании и др., к середине 90-х годов прошлого века она переключается на вселенский уровень, объявляя войну Западу во главе с США.

О глобальном замахе “Аль-Каиды” свидетельствует, к примеру, ее призыв нанести удары по основным странам, снабжающим нефтью США – Канаде, Мексике и Венесуэле, опубликованный в середине февраля 2007 г. в ежемесячнике “Саут аль-Джихад” (“Голос джихада”), а также по арабским центрам нефтедобычи.

От слов руководители организации перешли к делу: в 2006–2007 гг. в Саудовской Аравии, к примеру, было арестовано около 170 заговорщиков, готовивших взрывы на крупнейших нефтепромыслах.

Основное отличие и оперативное преимущество этой организации – идеальная преданность ее сторонников, весьма высокая степень децентрализации, фактически горизонтальная, “плоская” оргструктура, трудно уловимая для спецслужб.

“По началу, в 90-е годы, – отмечает лауреат Пулитцеровской премии, обозреватель журнала “New Yorker” Л.Райт, – большая часть новобранцев “Аль-Каиды” происходила из средних и высших классов, почти все они были из благополучных семей. Многие обучались в высших учебных заведениях, специализируясь в основном в естественных и инженерных науках. Лишь немногие учились в религиозных школах, а некоторые даже получили образование в Европе и США и говорили на 5–6 языках. Никто не выказывал признаков умопомешательства. Многие даже не были слишком религиозны, когда оказались вовлечены в джихад”¹⁵.

Что же оказалось побудительным мотивом для этих, казалось бы, светских людей и для “Аль-Каиды” в целом?

После распада Советского Союза и социалистического содружества резко возросли гегемонистские аппетиты США, что привело к негативным для мирового сообщества последствиям. В таких условиях популярность этого движения как дающего “достойный ответ западным неоколонизаторам” в мусульманской среде стремительно нарастает. Исчезнение социалистической альтернативы кажется делает “исламский путь развития”, то есть возвращение к постулатам веры как ориентирам в движении в изменившемся мире, все более привлекательным для широких масс.

На этой волне “элитарность” “Аль-Каиды” постепенно сходит на нет, ее ряды пополняются разномастным и далеко не всегда преданным высоким духовным идеалам людьми. Организация все в большей мере оправдывает свое название – она становится широкой организационно-идейной базой для обширного спектра разноликих групп и отрядов, объединяемых общими целями борьбы с “тлетворным влиянием Запада” и разъединяемых стремлением обеспечить свои узкие, часто меркантильные интересы.

Эта своеобразная размытость организационно-политического лица “Аль-Каиды” добавляет трудностей в противостоянии ей. “Как вообще иметь дело, – задает вопрос Э.Руло, – с разношерстным сбродом, окопавшимся где-то в афганских и пакистанских горах, не имеющим ни единой структуры, ни национальных корней, но призывающим своих сторонников к вылазкам против американской империи и ее местных приспешников? Как найти “подход” к боевым ячейкам, которые рассеяны по всему свету, действуют автономно и движимы различными мотивами в разных странах?”⁷.

В свою очередь движения, ставящие перед собой национально-освободительные и патриотические цели (Ха-

мас, Хизбулла, Фатх, группировки в Ираке), активно берут на вооружение популярные исламские лозунги. Они качественно отличаются от “Аль-Каиды” и примыкающих к ней движений тем, что, прибегая к исламской риторике как наиболее доходчивой для населения своих стран, не ставят перед собой глобальных целей, не выдают себя за спасителей всех мусульман. Их задачи остаются по-прежнему вполне определенными: справедливое решение палестинской проблемы, избавление от израильской оккупации, изгнание захватчиков из Ирака. И самое главное – эти партии и движения открыты к политическому диалогу, готовы договариваться о компромиссах и взаимоприемлемых развязках спорных проблем.

В интервью кувейтской газете “Ар-Рай аль-Ам” в начале февраля 2007 г. лидер “Хизбуллы” шейх Х.Насрулла заявил, что он далек от панисламских и панарабских амбиций: “В моей повестке дня, лишь одна цель – избавиться от угнетения и несправедливости, от которых страдают шииты в Ливане, превратить их в настоящих партнеров в создании и управлении государством и устранении израильской угрозы”¹⁶.

Показательна в этой связи и весьма прохладная и скептическая реакция руководства Хамас на распространенный через Интернет в июне 2007 г. призыв “Аль-Каиды” к мусульманам всего мира оказать этому движению всемерную помощь в противостоянии блокаде и угрозе вторжения крестоносцев и “предательских арабских режимов”.

“Движение исламского сопротивления Хамас, – заявил один из его руководителей И.Хания в июле 2007 г. в интервью итальянскому телеканалу, – не поддерживает связей с «Аль-Каидой». Его философия, взгляды и политика другие. Оно делает акцент на борьбе против израильской оккупации на захваченных палестинских землях и не выходит за их пределы”¹⁷.

Линия Запада в Ираке, Ливане и в отношении палестинцев, а также ближневосточного урегулирования в целом наглядно показывает, что там решили с исламистами не церемониться, свалив их в одну кучу и объявив всех террористами (во многом с подачи Израиля).

Чего стоит, к примеру, причисление Дж.Бушем всех этих движений в выступлении 7 августа 2006 г. к стану "исламофашистов".

Серьезные исследователи исламизма (например, статья С.Дюран, в ноябрьском номере "Монд дипломатик" за 2006 г.) не только раскрыли теоретическую несостоятельность этого терминологического "изобретения" американского президента, но и смогли разглядеть его политическую подоплеку.

"Исламский фашизм", – отмечает в этой связи С.Дюран, – особенно удобен своим эмоциональным зарядом. Он помогает посеять страх. В нем якобы кроется одна из главных опасностей.

Продвигая тезис, что Запад сражается с новым фашизмом и новым Гитлером, общественное мнение готовят принять мысль о том, что война может и должна быть "превентивной". Отсюда массированный ответ на "фашистскую угрозу" оказывается оправданным, какими бы ни были его последствия с точки зрения человеческих жизней"¹⁸.

Транснациональная "Аль-Каида" набирает к середине 90-х годов популярность и мощь на фоне отказа национальных религиозных организаций от силовой оппозиции местным режимам и их все большей интеграции в гражданскую политическую жизнь. Подавляющее большинство этих организаций по всему миру осудили варварские акты 11 сентября 2001 г. и терроризм в целом как в корне противоречащий постулатам ислама.

Однако в США и других западных странах, развернувших борьбу с "исламским терроризмом", этого диссонирующего с их новой доктриной крае-

угольного факта заметить не пожелали.

Такой недифференцированный подход привел к обратным результатам: вместо ослабления "Аль-Каиды" и других экстремистских движений трансисламского характера происходит их усиление, лидеры радикалов зарабатывают на ошибках западников и страданиях мусульманских масс политический капитал.

В феврале 2007 г. второе лицо в "Аль-Каиде" А. аз-Завахири с триумфом объявил по телеканалу "Аль-Джазира" о вступлении в эту организацию египетской "Джамаа исламий", организованной в 1981 г. показательную казнь А.Садата на военном параде. Сам аз-Завахири начинал свою политическую карьеру в рядах этой организации, став в последствии ее духовным лидером.

При этом объявленная США война с терроризмом воспринимается в мусульманском мире во многом в результате активной работы пропагандистов "Аль-Каиды" как "война Запада с исламом" и ему объявляется джихад.

Показателен в этой связи комментарий руководителя департамента переговоров ООП С.Урейката в период очередной вспышки военных действий в регионе летом 2006 г.: "Я всегда говорю, что насилие не принесет пользы никому, что оно обернется против палестинцев, ливанцев или израильтян. Но как растолковать эту точку зрения людям, которые уже давно потеряли всякую надежду на мир? Слишком поздно. Хамас представлен в правительстве. И все, что происходит на юге Ливана, лишь усиливает эту тяжелую тенденцию"¹⁹.

По мнению сотрудника американского университета в Париже М.Башары, "превращение американцами классических антиколониальных движений и светских режимов в цели "всемирной борьбы с терроризмом" наравне с "Аль-Каидой" и другими криминальными сетями – больше, чем ошибка, это – катастрофа"¹⁹.

Игнорирование генезиса и качественного различия между двумя антизападными течениями в мусульманском мире обрекает на провал поиски политических развязок конфликтных узлов, в том числе и ближневосточного во всех его ипостасях, толкает готовые к компромиссам умеренные элементы и целые группировки в лагерь экстремистов.

Игнорирование США и их союзниками разноликого характера современных исламских движений и организаций привело с одной стороны к их дальнейшей антивестернизации, а с другой – росту исламофобии на Западе.

Дезориентированное СМИ и целенаправленной официальной пропагандой западное общественное мнение, как отмечает Э.Руло, “склонно ставить знак равенства между исламом, исламизмом, фундаментализмом, джихадизмом и терроризмом”.

Еще одна новая проблема, порожденная подъемом радикального ислама и по большей части проигнорированная на Западе, – “асимметричные войны”, в которых регулярным войскам приходится сражаться с мобильными отрядами партизан-боевиков и террористами-одиночками. Человек-“бомба” практически неуязвим для “профиляктики” со стороны антитеррористических подразделений спецслужб. Он может появиться в любой момент и в любой точке для приведения в действие своей адской машины. Он весьма экономичен: для его подготовки не нужны специальные базы и вполне достаточно “курса молодого бойца”.

Как показывает опыт Вьетнама, Афганистана, Чечни, а в последние годы и Ирака, такая “асимметрия” сводит на нет техническое, технологическое и организационное преимущества регулярных армейских контингентов, выдвигая на первый план боевика, “че-

ловека-невидимку”, часто босого, но с “калашниковым” в руках или перепоясанного поясом шагида.

Как неоднократно заявлял лидер “Хизбуллы” шейх Х.Насрулла, “мы не стремимся цепляться за ту или иную территорию. Мы не хотим, чтобы все наши бойцы, наша молодежь погибла, обороняя тот или иной пост, холм или деревню”. Тактика “летучей войны”, молниеносных ударов и отходов в безопасное место, заманивания противника в населенные пункты для его последующего уничтожения в уличных боях летом 2006 г. в Ливане оказалась весьма эффективной.

Еще одно новшество, с которым познакомились и наши военные в Чечне, – предоставление широкой оперативной самостоятельности полевым командирам, строгое соблюдение режима радиомолчания в эфире. В результате в “асимметричной” войне в Ливане израильяне противостояли “террористам” нигде и повсюду, ожидая ударов со всех сторон и по всем направлениям.

Важное значение для эффективности антитеррористических операций имеет и место их проведения. Дома, как известно, и стены помогают, исламисты за исключением представителей мусульманской диаспоры на Западе, действуют на родной или близкой к их странам земле, пользуясь, как правило, сочувствием, если не прямой поддержкой местного населения.

Войска же “демократизаторов” являются чужеземными пришельцами, окружеными неприязнью, а по большей части и открытой враждебностью. Отсюда, как показывает иракский опыт, невысокое моральное состояние и боевой дух “борцов с терроризмом”.

Технологическая революция в средствах массовой коммуникации во многом решила проблему связи и координации действий отдельных разрозненных и глубоко законспирированных групп боевиков.

Они, к примеру, с немалой пользой для себя использовали американскую поисковую систему *Google* для получения спутниковых фотографий большого разрешения отдельных военных объектов на территории Ирака, в том числе и в столице.

Развитие электронной коммерции и платежей не осталось без внимания исламистов. Они взяли на вооружение методы хакеров, поставив перед собой качественно новую задачу – парализовать мировую экономику, нанести западному миру удар в самое чувствительное место.

Неслучайно поэтому, по инициативе России, ООН стала вплотную заниматься проблемами борьбы с кибертерроризмом, приняв на 61-й (2006 г.) сессии Генассамблеи специальную резолюцию по проблеме обеспечения информационной безопасности.

Эта же проблема была поставлена РФ и на текущей 62-й сессии.

Широкомасштабный технологический прогресс в средствах массовой коммуникации дал идеологам исламизма мощное средство для рекрутирования и подготовки новых приверженцев, в том числе и через Интернет, в котором в 2002 г. появилось подробное пособие для будущих шагидов – “Энциклопедия джихада”.

По данным российского исследователя Д.А.Нечитайлова, к середине первого десятилетия нашего века насчитывалось уже более 3000 радикальных исламистских Интернет-сайтов, 70 из которых можно было назвать “виртуальным университетом джихада”²¹.

Как было установлено следствием, бомбисты в Мадриде и Лондоне почерпнули инструкции из Интернета для самостоятельного изготовления взрывных устройств.

Показательно и включение в программу подготовки камикадзе обязательного выступления смертника перед видеокамерой: таким образом, достигаются сразу две цели: на исполнителя будущего теракта накладывается моральное обязательство довести пору-

ченное дело до конца и пополняется запас весьма убедительного пропагандистского материала для привлечения и психологической обработки новых шагидов.

Информационная и телекоммуникационная революции открыли перед исламистами не виданные ранее возможности для агитации и пропаганды. Ведь страдания мусульманского населения можно ежедневно видеть в режиме “*on line*” в прямых репортажах СМИ во всех уголках планеты.

В Ираке, к примеру, создалась парадоксальная ситуация – армия, разгромившая противника, в то же время явно проиграла войну информационную из-за недооценки этого важного аспекта идеологической борьбы.

Как отмечает в этой связи российский исследователь А.В.Галота, “у американского командования практически отсутствовал какой-либо четкий план действий по заполнению информационного вакуума, который неминуемо должен был образоваться после свержения режима С.Хусейна”²². Этот вакуум был незамедлительно заполнен “Аль-Кайдой” и экстремистскими группировками всех мастей.

Не имея конкретной программы контрпропаганды, американцы пошли по самому легкому, но мало продуктивному пути запретов отдельных органов СМИ, которые лишь повысили их популярность в народе.

Согласно исследованию госдепа, проведенному осенью 2003 г., 63% иракцев отдавали предпочтение двум общеарабским каналам “Аль-Джазира” и “Аль-Араби”, тогда как американские программы (судя по вероятно все-таки несколько завышенным данным) смотрели лишь 12% телезрителей²².

Более того, повстанцы ловко использовали в своей пропаганде информационные запреты оккупационных властей против самих США, обвинив их в “антидемократизме” и “подавлении свободы слова в Ираке”.

Израильские бесчинства на оккупированных территориях и в Ливане ежеминутно и ежечасно подбрасывали дополнительный материал для исламистских пропагандистов.

“Видеокадры из ливанского городка Каны, отмечала специалист по антитеррору Гарвардского университета Дж.Стерн, – где десятки женщин и детей погибли в результате бомбового удара Израиля, душераздирающи. Эти сюжеты – подарок террористам, которые стремятся распространить ложную идею о том, что Запад умышленно хотел бы разрушить исламский мир, намеренно горячо желая нанести вред и унизить мусульман”²³.

Значение аудиовизуальной пропаганды для исламистов становится еще более понятным, если учесть, что значительное число мусульман в век научного и технического прогресса остаются неграмотными.

В этом свете размещенные, к примеру, в Интернете видеозаписи горящих и падающих на землю американских вертолетов, сбитых иракскими боевиками, имеют не виданную ранее пропагандистскую отдачу.

Достижаемый таким образом “эффект присутствия” не идет ни в какое сравнение с опаздывавшими по времени репортажами СМИ с театра военных действий на Ближнем Востоке (1973 г. и 1967 г.). Правдивую информацию становится все труднее утаить или “подредактировать” в желательном ключе.

“В конечном счете, – констатирует Р.Н.Хаасс, – глобализация изменила регион. Сейчас радикалам легче достать деньги, оружие, идеи и привлечь добровольцев. Взлет новых СМИ и, прежде всего, спутникового телевидения превратил арабский мир в “региональную деревню” и политизировал ее. Большинство демонстрируемых сюжетов – сцены насилия и разрушений в Ираке, дурное обращение с иракскими и мусульманскими заключенными, страдания населения в Газе, на Западном берегу Иордана, а

теперь и в Ливане – вызвали еще большее отчуждение многих на Ближнем Востоке от Соединенных Штатов. В результате правительству на Ближнем Востоке сейчас труднее открыто вести дела с Соединенными Штатами и американское влияние в регионе пошло на спад”²³.

Серьезное влияние на позиции Запада оказало и неверное определение целей и методов антитеррористической борьбы.

Как отметил обозреватель газеты “Аш-Шарк аль-Аусат” А.В.Аба, американцы не отказались от традиционной стратегии “сдерживания”, применявшейся еще в годы “холодной” войны в борьбе с коммунизмом. Эти приемы были механически перенесены в новую эпоху – эпоху “ассиметричных войн”, и борьба с терроризмом превратилась в череду ударов по неугодным Вашингтону режимам. А ведь терроризм – это не определенный враг, а тактика борьбы, которая используется различными политическими группами, а не какими-то определенными государствами. Террористические организации, которые угрожают Израилю не те, что угрожают США. Если они нападают на Америку, то только потому, что она затронула их интересы, как это было в Ливане в 1982 г.

Комиссия, расследовавшая события 11 сентября, пришла к обоснованному выводу, что причина террористических ударов по Америке – ее многообразная поддержка экспансиионаизма Израиля. Она помогает бен Ладену и иже с ним черпать силы в народной среде”²⁴.

Именно поэтому действия антитеррористической коалиции в свержении режимов в Афганистане и Ираке породили для нее новые проблемы: террористическая активность в этих странах не только не уменьшилась, но и многократно возросла.

Подобный вывод был вынужден сделать и самый главный поборник глоба-

лизма – президент Дж.Буш, который в своих выступлениях не устает повторять, что террористы готовят новые атаки на США.

Искусственно нагнетаемой на Западе атмосферой алармизма не замедлили воспользоваться исламисты, которые ради повышения своего престижа и значимости стали подбрасывать в мировые СМИ явно преувеличенные "утечки" о своей деятельности.

К ним американские специалисты по разведке отнесли распространенную американской телекомпанией ABC в июне 2007 г. информацию о том, что "Аль-Каида" и "Талибан" якобы направили около 300 террористов-смертников в США, Великобританию, Германию и Канаду.

Политика "демократизации" арабского мира по-американски, главным полигоном которой стал Ирак, приводит к обратным результатам – к исламизации региона как ответной реакции арабов.

"За годы правления Хусейна, – отмечает А.В.Малашенко, – ислам как политический фактор перестал действовать. Однако после падения режима исламизм обрел второе дыхание. Сопротивление американцам начало исламизироваться почти с самого начала, и борьба против них легко и естественно обрела подзабытую форму джихада".

В оккупированном Ираке крепнет тенденция к перестройке всей государственной жизни на религиозный лад. А ведь при ненавистном американцам Саддаме Ирак был вполне светской страной, о чем свидетельствует и опыт автора в общении с иракцами на самых разных уровнях. Иракцы гордились своим межконфессиональным единством, смешанные браки шиитов и суннитов не были редкостью. Американская оккупация привела к распаду семей, к резкому, зачастую кровавому размежеванию по конфессиональному признаку.

Положение, сложившееся в Ираке к середине 2006 г., весьма наглядно описал

в одном из своих репортажей спецкор газеты "Монд" П.Клод: "Государство-призрак, которое ничего не контролирует в иракской столице, выживает в сверхкрепленной "зеленой зоне" площадью в 5 кв. км в центре Багдада.

Люди в масках ходят в городе, который погружается в хаос. В каждом квартале есть свой "эмир", военный главарь, мировой судья и религиозный шейх. Каждый месяц убивают по тысяче, ни за что, за то, что в шортах играли в футбол... Женщины больше не выходят без покрывала и не водят машины. Мало-помалу идет "талибанизация" страны"²⁵.

Показательна в этой связи и миллионная демонстрация в поддержку "Хизбуллы" в ее борьбе против Израиля, прошедшая в начале августа 2006 г. в Багдаде.

В городе, ежедневно сотрясаемом взрывами, на пути следования этого шествия не произошло ни одного инцидента. Порядок обеспечивали не армия и силы безопасности, а шиитские боевики. Иракское руководство было вынуждено присоединиться к этому массовому порыву в защиту Ливана, а с ним и "Хизбуллы".

Как отмечал З.Бжезинский, "резкая критика действий Израиля в Ливане со стороны иракского премьер-министра Н.аль-Малики – это примета будущих процессов. Представление, будто у Соединенных Штатов получится создать гибкий, демократический, стабильный, проамериканский и любящий Израиль Ирак, оказалось мифом, который стремительно рушится"²⁶.

Даже в таких вполне светских (конечно, по местным меркам) странах, как Египет, Сирия и Тунис, любому внимательному наблюдателю бросается в глаза все большее число женщин и особенно девушек, одетых в традиционные мусульманские одежды, толпы мусульман молодого и среднего возраста, выходящие из мечетей по окончании молитв.

Вспышка палестино-израильского, а затем и шиитско-израильского противостояния летом 2006 г., варварские удары по Газе и Ливану израильской

военной машины, наносимые при явной поддержке Вашингтона, имели один “долгоиграющий” результат – усиление религиозного фактора в политической жизни арабского мира, героизацию в широких слоях населения

исламистских радикалов – членов Хамаса и “Хизбуллы” как последовательных единственных борцов с израильской агрессией и оккупацией, защитников народных интересов перед наступлением Запада и глобализацией.

В этой обстановке ставка западных стратегов на приход к власти в арабских странах, подвергшихся “демократизации”, прозападных элит, взращенных в недрах гражданского общества, оказалась безнадежно далекой от реальности.

Прошедшие к середине 2006 г. свободные или полусвободные выборы в Палестинской национальной автономии, Кувейте, Египте, Саудовской Аравии и на Бахрейне привели к заметному усилению позиций и влияния исламистских движений и партий, выступавших с отчетливо антizападных позиций.

Одновременно политика Запада со всей ее непоследовательностью приводит ко все большему разочарованию среди сторонников подлинной демократии в арабских странах, отдаляя, таким образом, перспективы соответствующих преобразований в регионе.

Примечания

¹ Arabia Vitalis. Арабский Восток, ислам, древняя Аравия. М., 2005. С. 233, 231.

² Arab News. 12.07.2007.

³ Foreign Affairs. Nov./Dec. 2006. Р. 5.

⁴ The International Herald Tribune. 26.10.2005.

⁵ Современные международные отношения и мировая политика. М., 2005. С. 903.

⁶ Freedman L. The Transformation of Strategic Affairs. L., 2006.

⁷ Le Monde diplomatique. 2007. Mai.

⁸ Le Monde. 13.02.2006.

⁹ Jeune Afrique. 23–29.04.2006.

¹⁰ Цит. по: Независимая газета. 21.02.2006.

¹¹ Известия. 18.09.2006.

¹² The Guardian. 20.09.2006.

¹³ Washington Post. 10.07.07; Le Monde. 10.07.2007.

¹⁴ Der Spiegel. 26.09.2006.

¹⁵ Wright L. The Looming Tower. N.Y. Cit.: Le Monde diplomatique. Май. 2007.

¹⁶ Cit: Haaretz. 04.02.2007.

¹⁷ Washington Post. 10.07.2007.

¹⁸ Le Monde diplomatique. Nov. 2006. Р. 11.

¹⁹ Le Monde. 01.08.2006.

²⁰ Le Monde diplomatique. Oct. 2006. Р 4.

²¹ Нечитайло Д.А. Культура смерти и вселенский джихад // www.iimes.ru. 2007. Апрель.

²² Голота А.В. Некоторые аспекты информационной войны в Ираке // www.iimes.ru. 2007. Июль.

²³ The International Herald Tribune. 02.08.2006.

²⁴ Asharq Alawsat. 07.04.2006.

²⁵ Le Monde. 06.07.2006.

²⁶ Die Welt. 07.08.2006.